ЛИСОВОЙ Н. Н.,
старший научный сотрудник Института российской истории РАН,
зам. председателя Императорского Православного Палестинского Общества

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ: ИСТОРИЯ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

1. Исторические корни

В структуре библейского космоса, а значит и в сакральной географии всего христианского человечества Иерусалим занимает особое, исключительное место. Это – «пуп земли», источник благодатных энергий, «силовых линий», пронизывающих и определяющих различные сферы духовности, творчества, культуры. Конечно, на современных географических картах Святой Град не изображается, как на средневековых, геометрическим центром «круга земного». Но в духовных координатах христианина средоточный пункт мировой истории по-прежнему там – у святынь Голгофы и Животворящего Гроба.

Неудивительно, что вскоре после крещения Руси – первым русским митрополитом, возглавившим Русскую Церковь в 988 году, был, напомним, святой Михаил Сирин (то есть сириец) – одно из первых посольств, согласно Никоновской летописи, было направлено князем Владимиром в Иерусалим. Столетием позже, сразу после освобождения Святой Земли крестоносцами, мы встречаем здесь игумена Даниила, который со своей иноческой дружиной исходил в 1106–1107 годах Палестину, затеплил лампаду у Гроба Господня «от имени всех князей русских» и первым из наших соотечественников описал в своем замечательном «Хождении», среди прочих виденных чудес и достопримечательностей, таинство схождения Благодатного Огня в Великую Субботу[1].

В отличие от воинственной пассионарности западных крестовых походов движение русских «очарованных странников» привело к возникновению более мирного, не рыцарского – музыкально-поэтического «сословия», так называемых «калик перехожих» (от латинского: calliga ‘сапог‘). После паломничества, иногда неоднократного, всю оставшуюся жизнь странствовали они по Руси с пением псалмов, духовных стихов и былин о сказочных городах и великих святынях Востока.

Власти не поощряли этих людей, слишком решительно рвавших ради исхода в неведомые страны семейные и социальные связи, бросавших дом, хозяйство, службу у князя. К тому же путь к святым местам был тогда крайне долог (занимал порою до двух лет) и опасен как для жизни, так и для имущества путешественников. Возрастающее число паломников, группировавшихся по российским дорогам в полумонашеские-полувоинские дружины, явно вносило элемент социального беспокойства. Святой архиепископ Нифонт Новгородский († 1156) – его определение вошло в «Кормчие книги» – предписывал даже подвергать духовному наказанию людей, дающих по собственной воле и разумению, без благословения, обет идти в Иерусалим: «ибо клятвы эти губят нашу землю»[2].

И все же на протяжении всего Средневековья и Нового времени русско-палестинские связи и взаимообмены были постоянным фактом – и фактором – духовной жизни России, определяли во многом «картину мира» русского человека. Поми-

мо книжного литературного жанра «хождений» живые библейские впечатления были постоянной темой русских духовных стихов.

Древнейшим из них является полуязыческий еще по происхождению, сложный и «многослойный» по составу, «Стих о Голубиной книге», сливающий до неразличимости в поэтических образах Святую Землю и Святую Русь[3]. Не вдаваясь здесь в специальный анализ Голубиной (по-другому: «глубинной», то есть о самых глубинах мироздания повествующей) книги, отметим лишь своеобразный «палестиноцентризм», в сильнейшей степени присущий древнерусской народной космологии, согласно которой «гора Фавор – всем горам мать», ибо на ней совершилось Преображение Господне, «Иордан-река – всем рекам мать, ибо крестился в ней Сам Иисус Христос», Иерусалим, естественно, «всем городам мать», а «кипарис – всем деревьям мать», так как на кипарисовом кресте распят был Спаситель[4].

Позже, в середине XVII века, Патриарх Никон, создатель Воскресенского монастыря под Москвой, получившего название «Новый Иерусалим», в архитектуре и топонимике воплотил те же представления, воспроизведя в точности на Русской Земле не только план и облик – по привезенной модели – храма Гроба Господня, но и все топографические иерусалимские реалии. «Русская Земля сознательно устраивалась (стремилась устраиваться) одновременно по образу исторической Святой Земли – Палестины, и по образу «обетованной земли» – грядущего Небесного Царства»[5].

Необходимо подчеркнуть, что с самого начала отношения Святой Руси и Святой Земли строились таким образом, что русские православные люди не только черпали полной мерой благодатные впечатления и молитвенное вдохновение Святой Земли, не только воспринимали и осваивали богословский, литургический и аскетический опыт обителей и храмов Палестины, но и щедрой рукой помогали каждой из старших Сестер-Церквей.

Со времени «великих Иванов» – Третьего и Грозного – в Москву что ни год являются за «милостыней» посольства из Иерусалима, Антиохии, Александрии, с Синая и Афона. Учреждение русского патриаршества в 1589 году поддерживалось древними Патриархатами Востока также и с практической целью – обрести мощного союзника и поддержку Православию на Востоке в лице развивающегося Московского государства. Сразу после Смутного времени, в 1619 году, приезжает в Москву Патриарх Иерусалимский Феофан, чтобы участвовать в поставлении Патриарха Московского и всея Руси Филарета, а на обратном пути, в Киеве, он способствует восстановлению церковной иерархии для православного населения Украины, оставшегося без духовного руководства после Брестской унии, навязанной католиками народу Западной Руси в 1596 году. Решающая роль принадлежит иерархам Иерусалимской Матери Церквей и в книжно-литургической реформе Патриарха Никона, как и в последующей истории русской церковной книжности[6].

XVIII век, с его рационалистическим характером, привносит момент упорядочения в древние церковно-политические связи. Говорят, Петр Великий в одно время хотел вообще ни много ни мало «перенести» Гроб Господень в Россию[7]. В 1735 году в смете Святейшего Синода появляются «отдельной строкой» так называемые «палестинские штаты». Серия русско-турецких войн заставляет Порту признать за Россией право быть гарантом православного населения Османской империи.

Как сказано в одной из статей Кючюк-Кайнарджийского мирного договора от 10 июля 1774 года, «Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного» (статья 7). Восстанавливаются и полузабытые паломничес-

кие маршруты. «Как духовным, так и светским Российской Империи подданным да позволяется свободно посещать Святой Град Иерусалим и другие места, посещения достойные» (там же, статья 8)[8].

Таким образом, возникновению Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в середине прошлого столетия предшествовала многовековая история теснейших и глубочайших русско-палестинских религиозных и духовно-культурных связей. При этом православная Россия никогда не рассматривала Палестину или Сирию, или другие страны региона как плацдарм колониальной агрессии, предмет каких-либо военно-политических амбиций. Никакая ухищренная аргументация послов Римского Престола, Германской империи, других держав – а мы знаем со времен великого князя Ивана III немало таких дипломатических попыток– ни разу не смогли завлечь Московское княжество, как затем и Московское царство и Российскую империю, на путь «крестоносных» или иных геополитических авантюр.

Последняя подобная попытка (предложение прусского короля об установлении «протектората пяти держав» – Англии, Франции, Пруссии, Австрии и России – над Святой Землей, с размещением в Иерусалиме соответствующих «сил быстрого реагирования») была решительно отвергнута в 1841 году русским правительством (ноты МИД от 20 и 25 февраля и 12 марта 1841 года).

2. Рождение Миссии

Сороковые годы XIX столетия стали решающими для формирования современной системы русско-палестинских церковных связей. В этот период все настойчивее обращают свои взоры к Иерусалиму и Ближнему Востоку великие державы Запада, маскируя нередко политические намерения религиозными интересами. В 1841 году в Иерусалим назначается англиканский епископ из Лондона, в 1846-м – «латинский патриарх» из Рима. В аналогичном положении находилась Сирия, где Антиохийская Православная Церковь также подверглась в рассматриваемый период натиску католических и протестантских проповедников.

Очевидно, Иерусалимский Патриархат для успешного противостояния инославной пропаганде и прямой униатской опасности остро нуждался в поддержке православной России. При этом проблема русского присутствия в Палестине была из разряда сугубо деликатных. Нужно было не только противостоять в дипломатическом и культурном соперничестве европейским державам, не только подтверждать постоянно словом и делом перед турецкими властями отсутствие с русской стороны каких-либо империалистических поползновений, но и строго блюсти церковно-каноническую норму отношений с Иерусалимским Патриархатом. Любой неосторожный, хотя бы и вполне доброжелательный по намерениям жест, легко мог быть истолкован обидчивыми греками как вмешательство в дела иной Автокефальной Церкви.

1 марта 1841 года обер-прокурор Святейшего Синода граф Н. А. Протасов в докладе императору Николаю I писал: «Преосвященный Воронежский (архиепископ Антоний (Смирницкий). – Н. Л.) уведомляет, что приходящие по возвращении из Иерусалима поклонники Гроба Господня все вообще, с чувством соболезнования, повествуют о бедственном положении, в каком находится сия святыня, и вместе о затруднениях, с какими сопряжено пребывание в Иерусалиме соотечественников наших, не имеющих там никакого постоянного пристанища»[9]. Преосвященный предлагал учредить в Иерусалиме для русских паломников странноприимный дом, используя для этого «ныне почти стоящий впусте» Крестный монастырь[10], где пребывал бы «православный архимандрит из россиян с двумя или тремя монашествую-

щими» для отправления славянского богослужения для паломников. «Кроме богослужения архимандрит мог бы быть употребляем для передачи приношений, доставляемых из России в пользу Гроба Господня, которые могли бы быть обращаемы и в пособие приходящим туда российским поклонникам».

К появлению доклада был, разумеется, причастен не случайно упомянутый в нем известный синодальний деятель и духовный писатель А. Н. Муравьев, совершивший первое свое путешествие в Святую Землю в 1830 году. Его книга «Путешествие по Святым местам», вышедшая первым изданием два года спустя и выдержавшая в последующие пятнадцать лет пять изданий, оказала большое влияние на формирование в русском обществе живого заинтересованного отношения к судьбам Святой Земли[11].

13 июня 1842 года, то есть почти через полтора года после записки Протасова, вице-канцлер граф К. В. Нессельроде представляет императору программу крайне осторожных по характеру российских церковно-дипломатических мероприятий. В Иерусалим, по предложению главы российского внешнеполитического ведомства, должен быть направлен архимандрит (для сравнения: Англиканская Церковь, как мы видели, посылает туда епископа, а Католическая – «патриарха»), который, по инструкции, даже не является официальным представителем, а едет как частное лицо и к тому же инкогнито.

По обычному порядку доклад Нессельроде, с царской резолюцией, был переписан и направлен в Святейший Синод «для зависящего, в чем следует, исполнения». 26 июня Синод «признал полезным возложить исполнение означенного Высочайше одобренного предположения на находящегося при миссии нашей в Вене архимандрита Порфирия Успенского».

К счастью для Русской Церкви и дела Православия в Палестине для этой цели был избран архимандрит (впоследствии епископ) Порфирий (Успенский) – не только «по довольному им знанию греческого языка и по опытности в обращении с заграничными единоверцами нашими», как представлял Синод, но и как человек благодатной духовной широты, выдающийся византинист и востоковед, историк и археолог, книголюб и бессребренник[12].

Первое, что он с изумлением увидел, подъезжая 20 декабря 1843 года к Яффским воротам Иерусалима, была огромная толпа встречающих. Казалось, все местное духовенство, во главе с иерархами и личным представителем Патриарха, все «наличные» русские паломники и множество любопытствующих – все вышли для братской встречи посланника Русской Церкви.

На первый раз он провел в Иерусалиме около восьми месяцев – достаточно, чтобы разобраться в местных делах, войти в доверие к Святогробскому братству, в ведении которого находятся, как известно, не только храм Гроба Господня, но и все епархии и монастыри Палестины[13]. Подробный отчет был представлен архимандритом 6 января 1845 года по субординации константинопольскому послу – архимандрит Порфирий был в двойном подчинении: МИДа и Синода.

Главным в его отчете был вывод о насущности создания в Иерусалиме Духовной Миссии как постоянного представительства Русской Церкви при Патриархатах Востока. После еще двух лет дипломатических формальностей и министерских проволочек доклад об учреждении Миссии, – представленный императору по-прежнему не Синодом, а МИДом, все тем же Нессельроде, – был утвержден резолюцией Николая I от 11 (23) февраля 1847 года. Эту дату мы и отмечали в 1997 году как день рождения Миссии[14].

Граф Н. А. Протасов, как и в прошлый раз, направил копию записки с царской резолюцией «Быть по сему» членам Синода для исполнения. 31 июля 1847 года последовал указ Святейшего Синода на имя митрополита Санкт-Петербургского Антония (Рафальского), в ведении которого находились по положению зарубежные миссии и церкви. Данный указ впервые, кажется, называет основываемое учреждение «Российской Духовной Миссией в Иерусалиме»[15].

Для турецких властей, впрочем, это по-прежнему никакая не «Миссия», а «архимандрит, находящийся в Иерусалиме не в качестве русского настоятеля, но в качестве поклонника, снабженного дозволением и формальной рекомендацией от русского духовного начальства»[16].

В феврале сорок восьмого первый состав Миссии: архимандрит Порфирий (Успенский) в качестве начальника и иеромонах Феофан (Говоров) – будущий святитель Феофан Затворник, великий богослов и подвижник Русской Церкви, переводчик патристики, создатель русского «Добротолюбия» – в качестве его помощника, с несколькими послушниками – прибыл в Иерусалим. Размещаются они первоначально в назначенном им для пребывания Иерусалимской Патриархией Архангельском (греческом) монастыре – в черте Старого Города, неподалеку от резиденции Патриарха.

В задачу Миссии входила помощь в обустройстве русским паломникам, которых насчитывалось к тому времени до 450 человек в год. Иеромонах Феофан отправляется по древним монастырям. В Мар-Сабе, обители святого Саввы Освященного, он находит древние рукописи, занимается их исследованием, готовит переводы...

Православие в самой Палестине, особенно арабская православная паства, составлявшая дискредитируемое греками большинство в Патриархате, также нуждалось в серьезной материальной и моральной поддержке. При содействии архимандрита Порфирия Патриарх Кирилл открывает греческо-арабское училище при Крестном монастыре и назначает начальника Русской Миссии эфором (попечителем) всех патриарших учебных заведений. Была создана также типография для издания книг для православных арабов. Так продолжалось до начала Крымской войны[17].

3. Под августейшим покровительством

Мало кто, кроме историков дипломатии, знает сегодня, с чего, собственно, начался конфликт. В 1852 году турецкие власти в угоду и под нажимом французской дипломатии передали католикам принадлежавшие православным ключи от храма Рождества Христова в Вифлееме. Из-за этих-то «ключей к Вифлеему» и разразился общеевропейский военно-политический кризис, который некоторые из историков склонны даже называть «первой мировой войной». Позднее В. Н. Хитрово, умный и проницательный историк русской церковной политики в регионе, один из создателей Православного Палестинского Общества, с горечью скажет, что «развалины нашего многострадального Севастополя были ответом на вопрос: кому владеть ключами Вифлеемского храма»[18]. Или, иначе сказать, были платой России за интересы Православия на Ближнем Востоке.

Военные и политические результаты кампании, заставившие правительство Александра II приступить к осуществлению обширной и серьезнейшей программы реформ в социально-экономической и духовной жизни России, не могли не коснуться и положения дел в Палестине. Теперь в Петербурге куда глубже осознали значение Святой Земли в общем контексте Восточного вопроса, который неслучайно писался в русской дипломатической традиции с большой буквы. В Иерусалиме

создается отдельное российское консульство (с 1891 года – генеральное), при том, что ранее русскими делами здесь ведал консул в Бейруте, в Петербурге в 1856 году РОПИТ (Российское общество пароходства и торговли) – для организации постоянных паломнических рейсов из Одессы в Яффу, а в 1859 году – специальный Палестинский Комитет, председателем которого назначается брат государя великий князь Константин Николаевич. Тем самым статусу Комитета придавался экстраординарный, надправительственный характер.

Этому предшествовало посещение Иерусалима великим князем с супругой Александрой Иосифовной и малолетним сыном в апреле-мае 1859 года – первое августейшее паломничество в Святую Землю. Любопытно отметить, что и великому князю Константину пришлось буквально «прорываться» в Святую Землю сквозь неоднократные запреты и отказы как всегда не в меру осторожного российского МИДа[19]. Собственно с этого момента – с весны 1859 года – открывается подлинная летопись п р и с у т с т в и я Православной России в Палестине. Великий князь осмотрел и одобрил приобретенную к тому времени в Иерусалиме первую русскую земельную собственность: так называемое «Русское место» возле храма Гроба Господня (нынешнее Александровское подворье) и большой участок к северо-западу от Старого Города, который арабы и сейчас называют «Москобия».

На этой территории и разместилась Русская Духовная Миссия. Здесь возникнут со временем подворья, составившие ядро российских иерусалимских недвижимостей: Елизаветинское (для мужчин-паломников) и Мариинское (для женщин), позже также Николаевское (1906). Здание Миссии принадлежит Русской Церкви по сей день – правда, теперь большую часть его «арендует» Верховный суд Израиля. Архитектурный центр здания составляет освященная 28 июня 1864 года домовая церковь во имя царицы-мученицы Александры – первая русская церковь в Святой Земле. Еще раньше, в августе 1860 года, был заложен величественный соборный храм во имя Пресвятой Троицы (архитектор М. И. Эппингер), законченный строительством, как и церковь Александры, к 1864 году, но освященный лишь восемь лет спустя, в октябре 1872 года, когда Иерусалим посетил другой брат царя – великий князь Николай Николаевич Старший.

Решено было также поднять иерархический статус Миссии, сделав ее начальником духовное лицо в архиерейском сане. Им стал в 1857 году Кирилл (Наумов) (1823–1866), епископ Мелитопольский, доктор богословия, автор одной из первых оригинальных систем пасторологии в русской богословской науке[20].

К сожалению, ни сотрудники Российского консульства в Иерусалиме, ни влиятельные члены Святогробского братства не были готовы к правильному и спокойному восприятию изменившегося статуса начальника Миссии. В результате непреодолимых трений, зависти и подозрений, епископ Кирилл после шести лет успешной работы был отозван из Иерусалима. Ему на смену назначается образованный и энергичный архимандрит Леонид (Кавелин), постриженник знаменитой Оптиной пустыни, в прошлом – гвардейский офицер, в будущем – известный церковный историк и археограф, автор множества ученых публикаций, в том числе одного из лучших в прошлом столетии путеводителей по Иерусалиму[21]. Но принципиальность, последовательность в отстаивании церковной канонической правды и независимость характера вскоре делают и его persona non grata – сначала в кругу русского консула, а затем, в результате клевет и происков, и в глазах святогробских греков. В 1865 году в Святой Град прибыл (сначала в качестве и. о.) четвертый и, пожалуй, наиболее известный из начальников Русской Духовной Миссии – архимандрит Антонин (Капустин).

4. Крестный путь Русской Миссии

Прежде чем перейти к деятельности этого выдающегося деятеля Русской Духовной Миссии, скажем несколько слов о причинах тех сложностей и ненормальностей в жизни и деятельности Миссии, которые привели к указанным выше конфликтам и нестроениям. Дело в том, что, по справедливому мнению церковных историков, работа Миссии с самого начала оказалась затруднена системой «двойного подчинения», о которой мы сказали выше в связи с первой палестинской командировкой архимандрита Порфирия (Успенского).

Православная политика России на Ближнем Востоке, как, может быть, всякая «православная политика», сопряжена была с неразрешимым, видимо, в реальной истории парадоксом. Практически с самого начала, со времен Владимира Красного Солнышка и игумена Даниила, русское православное присутствие в Святой Земле осуществлялось как преимущественно и прежде всего державная, государственная инициатива. Так было во времена крестоносцев, так было при Иване III и Иване Грозном, так было при Екатерине II.

Мы нарочно подробно остановились выше на обстоятельствах и специфике самого процесса учреждения Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Анализ документов заставляет признать неоспоримый факт: и в данном случае инициатива исходила из государственных, державных структур – прежде всего, внешнеполитического ведомства. Не странно ли, в самом деле, что выразителем русской всенародной православной заботы о святыне Гроба Господня и о российских естественных духовных и геополитических интересах в регионе был вообще не русский и не православный человек – лютеранин Карл Васильевич Нессельроде. Ни в коем случае не хочу и не могу присоединиться к тем, кто с легкой руки полемистов прошлого столетия пытается представить эту фигуру как однозначно отрицательную, чуть ли не антирусского «агента влияния». Дело совсем не в этом. Слава Богу, российский МИД, будучи закономерным орудием внешней политики Православной Империи, даже в условиях его возглавления людьми не русскими и не православными, доблестно осуществлял защиту наших национальных и духовно-конфессиональных интересов на Ближнем Востоке, как и в других регионах. В этом и заключались сила и величие православной России – наследницы Византии[22].

Более того, не случайно Палестинский Комитет, о котором мы говорили, возглавлял великий князь Константин Николаевич – не только потому что был он искренне верующим православным человеком и горячим почитателем Святых Мест, но и потому что был, в должности Генерал-Адмирала, главой Военно-Морского ведомства. Именно при Морском министерстве служили и молодые энергичные порученцы великого князя – Б. П. Мансуров, «Мансур-паша», как его называли в Иерусалиме, и будущий основатель Православного Палестинского Общества В. Н. Хитрово. О русском флоте и военно-морской разведке, в которой работали тогда наиболее патриотически и православно настроенные, самые образованные и дальновидные люди Империи, тоже не надо забывать, когда говорим о духовном наследии Русской Палестины. Интересы России и интересы Православия в мире всегда были для них неразрывными и приоритетными. Но...

Но беда состояла в том, что и духовная жизнь, и внутренняя и внешняя деятельность деятельность Русской Церкви были скованы и нередко изуродованы вполне неканоничной системой отношений Церкви и Государства, мертвящей нормой Регламента, подчинявшего духовное светскому, все стороны православного делания – государственной, вплоть до полицейской, опеке.

Историю Русской Миссии в Иерусалиме можно было бы в этом смысле назвать по праву «крестный путь Русской Миссии». Мы имеем в виду прежде всего безуспешную, как правило, борьбу наиболее выдающихся начальников и сотрудников Миссии с «петербургской системой», как говорил архимандрит Антонин, или, говоря шире, с «синодальным пленением» Русской Церкви. Как вся Церковь оказывалась в полном подчинении у чиновничьего аппарата православной империи, так и Миссия была в глазах чиновников российского МИДа на Ближнем Востоке вполне бесправным и едва ли нужным придатком светских дипломатических структур.

Судьба епископа Кирилла сложилась, как известно, трагически. Он был без суда и следствия смещен со своей должности и отправлен в Казань настоятелем одного из монастырей – практически в ссылку. При этом, не зная за собой никакой вины, владыка Кирилл не согласился с решением Синода, основанным на клевете и недобросовестной подтасовке фактов. История епископа Кирилла (Наумова) в XIX столетии сопоставима по сути с историей Арсения Мацеевича столетием раньше.

Аналогично, именно клевета и враждебность «родного» консульства привели к устранению из Иерусалима талантливого и многообещавшего архимандрита Леонида (Кавелина)[23]. К счастью, благодаря уверенности в его правоте и прямой поддержке со стороны Святителя Филарета (Дроздова), архимандрит Леонид, в отличие от своего предшественника, не стал трагической жертвой в столкновении со светскими властями.

Зерно будущей конфликтной ситуации было заложено еще и тем, что полное и практически бесконтрольное заведование строительством русских храмов и странноприимных домов в Иерусалиме было возложено в 1859 году, в обход и Миссии, и Синода, на вполне светский по характеру Палестинский Комитет. В результате, на фоне постоянной, большей частью молчаливой, но не менее упорной борьбы со светским засилием в церковных делах, Русская Духовная Миссия должна была также противостоять нараставшей в российском обществе буржуазной тенденции коммерциализации. Б. П. Мансуров так прямо и говорил: «Наше вмешательство на Востоке может быть приведено “в неполитическую форму” и весь вопрос упростится, если придать ему “спекулятивный коммерческий характер”. При этом однако “спекулятивный характер”, приданный палестинскому вопросу, зиждился на «простом и верном средстве финансирования: призывах Церкви к народу»[24].

Если для нас, современников нового «крутого» витка капитализации России, все еще не стали привычными соблазны и скандалы, порождаемые сращиванием госаппарата с банковским и теневым капиталом, то для епископа Кирилла (Наумова) и архимандрита Леонида (Кавелина) деятельность выше поименованного РОПИТа, с которым материально были связаны и сановные лица Петербурга, и более мелкие дипломатические чиновники на Ближнем Востоке, представлялась, естественно, нравственно несовместимой с высокими духовными принципами и целями русского православного присутствия в Иерусалиме и Святой Земле.

5. Вакуф архимандрита Антонина

Имя и подвиг архимандрита Антонина (Капустина) (1817–1894) входят в бесспорный золотой фонд истории Русской Церкви XIX века. Именно ему, подвижнику-одиночке, не оцененному современниками и лишь теперь во всем своем скромном величии предстающему перед потомками, мы обязаны в первую очередь тем уникальным историческим наследием, которое называется Русской Палестиной и является главным итогом полуторавековой работы Русской Духовной Миссии в Святой Земле.

Сын священника из глухой уральской деревни, типичный русский самородок, Андрей Иванович Капустин получил образование сначала в Пермской и Екатеринославской семинариях, затем – в Киевской Духовной академии. Позже преподавал в ней уже в качестве профессора. 7 ноября 1845 года принял монашество с именем Антонин – в честь празднуемого в этот день мученика Анкирского. Был последовательно настоятелем русских посольских храмов в Афинах (с 1850 года) и в Константинополе (с 1860 года). Афины стали для него «бесплатной, долговременной и самой приятной школой изучения христианских древностей», Константинополь – отличной дипломатической школой[25].

Зов Палестины с юности звучал в его сердце. Еще в семинарские годы, пишет о себе сам Антонин, «когда он думал о Киеве, как о счастье другого мира, ему казалось, что за Печерской картиной (то есть за идеалом иноческой жизни в Киево-Печерском монастыре. – Н. Л.) скрывается другая – далее ее, лучше, таинственней, – что Киев есть только перепутье в Иерусалим – в рай»[26].

Он вступил посланцем Русской Церкви в город своей юношеской мечты 11 сентября 1865 года (накануне праздника Воздвижения Святого Креста Господня), чтобы уйти из него в вечную жизнь 28 лет спустя, в вечер под праздник Благовещения, 24 марта 1894 года.

Достойный представитель русского ученого монашества, на всех этапах своего служения отец Антонин много и плодотворно занимался научными изысканиями по церковной археологии, археографии и византинистике. Подобно своим замечательным предшественникам по работе в Миссии – Преосвященным Порфирию (Успенскому), святителю Феофану Затворнику, архимандриту Леониду (Кавелину) – отец Антонин оставил значительное творческое наследие: библиография его опубликованных трудов занимает 17 страниц убористого печатного текста[27]. Он был одним из первых исследователей греческих и славянских рукописей Иерусалима, Афона и Синая. Собранная им коллекция древних манускриптов (ныне в библиотеке Российской Академии Наук в Петербурге) включает как греческие и славянские, так и арабские рукописи.

Обосновавшись в Иерусалиме, он всего себя безраздельно посвятил интересам Православия в Святой Земле. Если начало русской земельной собственности в Иерусалиме было положено и одобрено российским правительством, то продолжение и расширение ее целиком было личной инициативой отца Антонина. Знаток конкретной библейской археологии, он начал переговоры с главами арабских семей, во владении которых находилась преемственно недвижимость, связанная с местами новозаветных и ветхозаветных событий, священных для православных верующих. Дело по приобретению отдельных участков он вел постепенно, экономно и терпеливо. Первый участок – на горе Елеон, где ныне буквально в сотне шагов от места Вознесения Господня находится русский Спасо-Вознесенский женский монастырь, – был куплен в 1868 году в условиях острой конкуренции с кармелитским католическим монастырем Pater Noster. Причем, в отличие от вельможных французских покупателей (основательницей монастыря была личная приятельница Наполеона III герцогиня Ля Тур д'Овернь), за русским монахом не было ни государственной поддержки, ни больших денег. Весь годовой бюджет Миссии составлял около 14,5 тысяч рублей (включая содержание храмов и подворий, оклады сотрудников, материальную помощь паломникам и православным арабам).

Почти одновременно были начаты переговоры о покупке земли в Горнем (по арабски Айн-Карем). Сюда, согласно Евангелию от Луки, Пресвятая Дева Мария пришла после Благовещения, узнав, что станет Матерью Богочеловека, навестить

свою двоюродную сестру Елизавету, здесь воспела Свой гимн «Величит душа моя Господа».

На месте встречи Богородицы и праведной Елизаветы, рядом с францисканским монастырем Magnificat, где находилось уже небольшое русское владение, приобретенное Б. П. Мансуровым, и вокруг него, отцу Антонину удалось купить значительный участок земли, на котором расположен ныне русский Горненский женский монастырь[28]. Основная спонсорская помощь для приобретения земли в Горнем была ему оказана бывшим российским министром путей сообщения П. П. Мельниковым, организовавшим в Петербурге специальный комитет по сбору пожертвований. Затем были приобретены участки в Хевроне – с библейским «дубом Мамврийским», под которым Авраам встречал Пресвятую Троицу в виде трех ангелов (Быт. 18, 1–2), в Яффе – на месте дома и гробницы праведной Тавифы (Деян. 9, 36–41), в Иерихоне и многих других местах. Участки покупались на имя драгомана (переводчика) Миссии турецкого подданного Якова Александровича Халеби. И уже тот оформлял дарственную на имя своего начальника. Так сложился знаменитый «вакуф архимандрита Антонина» в Святой Земле, завещанный им в 1894 году Святейшему Синоду, то есть Русской Православной Церкви. К началу XX века совокупность приобретенных им земельных участков оценивалась в миллион тогдашних русских рублей[29].

Из числа последующих начальников Русской Духовной Миссии верным продолжателем дела отца Антонина должен быть признан архимандрит Леонид (Сенцов) († 1918). Среди его приобретений и храмостроительных инициатив особо отмечают большой и красивый храм Святой Троицы в Хевроне, участок и храм святого пророка Илии на горе Кармил в Хайфе и «Магдальский сад» на Тивериадском озере, где уже в наше время, в 1960-е годы, был построен храм во имя святой Марии Магдалины[30].

Первая мировая война, а затем 1917 год радикально изменили ситуацию. Связи России с Палестиной надолго были прерваны. Русская Духовная Миссия с ее многочисленными участками, храмами и монастырями, равно как и школы, больницы и подворья в Святой Земле, принадлежавшие Императорскому Православному Палестинскому Обществу (ИППО), были оставлены новой, советской властью на произвол судьбы.

Миссия оказалась оторванной и от Московского Патриаршего Центра и вошла закономерно в подчинение Русской Православной Церкви за рубежом, много сделавшей в последующие десятилетия для сохранения русского православного достояния в Иерусалиме. Земли, здания и имущества, принадлежавшие как ИППО, так и Русской Духовной Миссии, попали с 1918 года в распоряжение английских колониальных властей, осуществлявших так называемый «мандат» Лиги наций на Палестину. Именно английские власти ввели в практику принудительное «арендное» использование русской собственности, традиционного религиозного «вакуфа», – часто без санкции законных владельцев – в целях светских и коммерческих[31].

Пятьдесят лет назад, после того, как в мае 1948 года было провозглашено государство Израиль и вспыхнула первая израильско-арабская война, демаркационная линия между территориями Израиля и Иордании (по условиям перемирия) обозначила различное «пространство судьбы» для русских храмов и монастырей на западе и востоке страны. Храмы и участки, оказавшиеся на территории государства Израиль, были возвращены в собственность Советского правительства[32].

Была восстановлена и деятельность Русской Духовной Миссии с законным каноническим подчинением Русской Православной Церкви (Московской Патриархии). Вот уже пятьдесят лет (1948–1998) она вновь с полным правом представляет в

Святой Земле не одну только русскую православную диаспору и иерархию, три четверти века пребывающую в трагическом ожесточенном расколе с собственной канонической властью, но действительную Полноту Русской Православной Церкви – Православную Россию. Современная жизнь и деятельность Миссии в Иерусалиме, напряженная и плодотворная, возглавляемая ныне архимандритом Феодосием, достойны стать темой отдельного исследования.

Что касается храмов, монастырей и участков, оставшихся в 1948 году на территориях, отошедших к Иордании, – они сохранили подчинение Русской Православной Церкви за рубежом – status quo, не изменившийся и после «шестидневной» войны 1967 года. В июне 1997 года, вскоре после посещения Святой Земли Святейшим Патриархом Алексием II для участия в юбилейных торжествах, один из «карловацких» участков – Хевронский, с Дубом Мамврийским и храмом Святой Троицы, – по решению руководства Палестинской Автономии был возвращен Русской Православной Церкви.

6. Неоценимые итоги

Итак, если говорить о Русской Духовной Миссии в Иерусалиме с точки зрения ее реального исторического и духовного вклада, необходимо выделить следующие аспекты.

Главный вклад и итог полуторавековой работы Миссии – создание и сохранение Русской Палестины. За краткостью времени мы не сможем осветить, хотя бы в основных чертах, историю храмостроительной деятельности Русской Духовной Миссии в Святой Земле. Между тем, результат уникален. Создана целая инфраструктура храмов, монастырей, подворий и земельных участков, приобретенных, обустроенных и отчасти доныне принадлежащих России и Русской Церкви.

В хронологическом порядке: здание Русской Духовной Миссии с домовой церковью во имя святой царицы Александры (освящена в 1864 году); Троицкий собор – литургическое сердце всей Русской Палестины (освящен в 1872 году); Казанский храм Горненского монастыря (освящен в 1883 году); Спасо-Вознесенский собор Елеонского монастыря (освящен в 1886 году); храм Марии Магдалины в Гефсиманском саду (освящен в 1888 году); храм святого апостола Петра и праведной Тавифы в Яффе (освящен в 1894 году); храм святого Александра Невского на Александровском подворье в Иерусалиме (освящен в 1896 году); храм святого Илии Пророка на горе Кармил в Яффе (освящен в 1913 году); храм Святых Праотцев с приделом Святой Троицы в Хевроне (освящен в 1925 году); храм святой Марии Магдалины на Магдальском участке при Геннисаретском озере (освящен в 1962 году); пещерный храм Рождества Предтечи в Горненском монастыре (освящен в 1987 году). В праздник Пресвятой Троицы 15 июня 1997 года Святейший Патриарх Алексий совершил молебен о завершении строительства храма Всех Святых, в земле Российской просиявших, в Горненском монастыре (строительство было начато в 1910 году и прервано первой мировой войной).

Много это или мало? Нужно учесть и живое литургическое творчество, создание новых православных праздников и церковных служб, связанных непосредственно с тем или иным из святых мест: праздник Посещения Девой Марией праведной Елизаветы в Горнем (30 марта); служба святой праведной Тавифе (в Яффском храме); почитание чудотворных икон: Елеонской Скоропослушницы в Вознесенском монастыре и ливанской Одигитрии в Гефсиманской обители, в храме Марии Магдалины; почитание святых мощей преподобномучениц: великой княгини Ели-

заветы Федоровны и инокини Варвары (в том же храме)... Все это относится к богословскому и литургическому наследию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Но, быть может, еще важнее тот, не учитываемый никакими цифрами, духовный вклад, который связан с десятилетиями окормления русских православных паломников. Их поток неизменно возрастал в течение всего XIX – начала XX веков. Если при архимандрите Порфирии, в первые годы существования Миссии, в Палестине бывало в год по три–четыре сотни русских поклонников, то в 1912 году – в последний мирный год перед Балканской, а затем Мировой войной и революцией, их было в Иерусалиме только на Пасху около десяти тысяч.

Историки доныне дивятся этому небывалой в истории массовости и интенсивности опыту «диалога культур» и «народной дипломатии». Посланцы великой Северной Империи, «Хаджи-Москов-Кодс», как называли их на Востоке, смиренно обучались преодолению этнической, конфессиональной и «автокефальной» исключительности, воспитывали в себе, как любил говорить архимандрит Антонин, «терпимость, столь нужную тому, кто решился принести на Гроб Господен дань и своей признательной души вместе с тысячами других, подобных ему пришельцев, часто не похожих на него ничем, кроме одного образа человеческого и имени христианского»[33].

Храм Гроба Господня являл собой в праздничные, особенно в пасхальные дни подлинно Вселенскую Церковь, когда, по воспоминаниям очевидцев, греческие возгласы «Христос анести!», братски сливаясь с русским «Христос воскресе!», так гармонично отзывались в арабском «Аль-Масих кам!»[34].

В связи со сказанным, уместно еще раз подчеркнуть, что служение и подвиг иерусалимской Миссии явилось в истории Русской Церкви своего рода каноническим «экспериментом» не только с точки зрения своеобразного, часто драматического противостояния «синодальному пленению», о чем мы говорили выше, но и с точки зрения первой – в новое время – крайне назидательной встречи с Восточным Православием. Это было общение с принципиально иной духовной цивилизацией, православной и древней, по существу, если можно так образно сказать, с не умирающей в древнейших своих церковных институтах Православной Византией. Это было знакомство с опытом многовекового «выживания» Церкви в крайне неблагоприятных условиях мусульманского ига. И опытное постижение парадоксальной, диалектической природы церковно-исторического процесса, благодаря которой именно мусульманское окружение с антихристианским гнетом, а порой даже намеренным террором и геноцидом, способствовали выработке чрезвычайного духовного иммунитета, поразительной гибкости при сохранении внутренней канонической цельности и верности духу святоотеческого предания. Словом, это был опыт, в огромной степени предвосхитивший трагические перемены в положении Православия и крушение всего основанного на нем жизненного уклада в России в эпоху отделения Церкви от государства.

Не забудем и о том, что наследие Русской Духовной Миссии – это целая «библиотека» трудов и исследований церковно-исторического, библейско-филологического, археологического и византологического характера, выполненных в разные годы начальниками и сотрудниками Русской Духовной Миссии. Достаточно упомянуть, об этом будет сказано в других докладах, о многостороннем научном наследии епископа Порфирия, о замечательных археологических открытиях архимандрита Антонина: Порог Судных Врат на Русском месте, в Александровском подворье; исследованные и приобретенные им Гробницы Пророков на склоне Елеона, Мамврий-

ский дуб и археологические находки при строительстве Вознесенского храма на Елеоне, послужившие основой так называемого «Музея древностей» отца Антонина.

Научно-исследовательский потенциал Русской Духовной Миссии не ограничивается археологией. Мы должны назвать здесь также и историко-литературные работы, связанные с публикацией таких выдающихся серий, как «Палестинский патерик» (вып. 1–15) профессора И. В. Помяловского, «Православные праздники в Святой Земле» А. А. Дмитриевского, а также практически всех древнерусских «хождений» в Святую Землю, изданных в разные годы в «Православных Палестинских Сборниках»[35].

Вряд ли можно, наверное, впрямую связывать с духовным импульсом Миссии позднейшую духовно-аскетическую писательскую деятельность святителя Феофана Затворника. Но знаменательно, что именно к Палестине, где будущий знаменитый богослов состоял вторым иеромонахом Миссии при архимандрите Порфирии, тянутся нити многих ранних его публикаций, предшествовавших созданию фундаментального «Добротолюбия». Реальная сфера воздействия Русской Духовной Миссии на жизнь и сознание православного народа, благодаря продолжавшему активно развиваться в XIX веке русскому народному странничеству, намного превышает книжную читательскую аудиторию даже самых популярных и тиражных духовных изданий. Неслучайно автор известных «Откровенных рассказов странника», к редактированию которых приложил, как известно, руку и Святитель Феофан, конечной целью своих молитвенных странствий, с «Добротолюбием» в котомке, полагал Иерусалим.

Трудно и ответственно пытаться формулировать какие-либо «заключительные» выводы о современном значении и перспективах служения Русской Духовной Миссии на пороге третьего тысячелетия христианства. Отметим лишь два аспекта.

Сохранение и преемство традиций и основных направлений деятельности Русской Духовной Миссии, несмотря на смену правительств и режимов при царе, при советской власти, при демократической России – с одной стороны, и равным образом при турках, при англичанах, при государстве Израиль – с другой, невольно заставляет задуматься, в чем сила подобного преемства. Кому-то может показаться странным, но восстановление Русской Духовной Миссии в Святой Земле как учреждения Московской Патриархии в 1948 году, как и ее основание в 1847 году державной волей Николая I, вновь было делом государственной политики. В более широком контексте частью той же государственной политики были и первый визит Святейшего Патриарха Алексия (Симанского) в Святую Землю в победном мае 1945 года, и попытка Москвы на Совещании Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в июле 1948 года, по случаю 500-летия Русской Автокефалии, вновь собрать Православный Восток, «как птица собирает птенцов под крыло свое».

Означает ли это возрождение – в новых исторических условиях, в новой социальной реальности – прежнего «константинопольско-иерусалимского» вектора русской духовной геополитики? Именно духовной – не «имперской», и не империалистической. Во всяком случае, даже если этого не сознавали руководители советской внешней политики, речь по-прежнему шла, в конечном счете, о свидетельстве Русской Церкви, а через нее – Православной России (даже если и не помнящей, в статистическом большинстве своих грешных чад, что она православная!), скудеющему верой и благодатью современному миру.

Иными словами, «константинопольско-иерусалимская» составляющая российской внешней политики и в 1948-м, и в 1998 годах является по характеру своему почти исключительно духовной, идеалистической, бескорыстной, жертвенной. Святыни Голгофы и Животворящего Гроба Господня по-прежнему незримо, но властно «ориентируют» – и стабилизируют – позицию России в «безумном мире» экономических, политических, националистических интересов, глобальных перестроек и локальных войн.

Новые грани обрел и «канонический эксперимент». Русская Палестина, не по своей воле, оказалась в течение всего почти XX столетия поделенной между так называемыми Белой (заграничной) и Красной (московской) юрисдикциями внутри самой Русской Православной Церкви. Верим, что «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат», что исторические испытания, пройденные на полуторавековом пути Русской Духовной Миссией в Иерусалиме, увенчаются на рубеже нового тысячелетия воссоединением «белых», «красных» и прочих островков единой церковной Русской Палестины, возносящей Бескровную Жертву и неустанную молитву о России в центре мира – у Гроба Господня.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Житье и хоженье Данила, Руськыя Земли игумена. 1106–1108 гг. Под ред. М. А. Веневитинова // Православный Палестинский Сборник. Т. I. Вып. 3. Кн. 3. СПб., 1883; Т. III. Вып. 3. Кн. 9. СПб., 1885. Новейшее издание с параллельным современным русским переводом и комментариями Г. М. Прохорова: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., «Наука», 1977. С. 26–117.

[2] Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2. Репринтное издание. М., 1995. С. 394.

[3] Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ Стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887; Федотов Г. П. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). Париж, 1935. Репринт: М., 1991.

[4] Бессонов П. А. Калики перехожие. Т. 1. М., 1861. С. 269–378. (Стих о Голубиной книге издан по 16 спискам); Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 11–39 (пять вариантов Стиха). См. также современное издание: Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. М., 1991. С. 34–48.

[5] Протоиерей Лев Лебедев. Москва Патриаршая. М., 1995. С. 295.

[6] Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. Изд. 2. М., 1914; Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством. М., 1891; Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины 16 до конца 18 столетия. СПб., 1895.

[7] Пономарев С. И. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах. (Материалы для библиографии). СПб., 1877 (СОРЯС. Т. 17). С. XVI.

[8] Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992.

[9] Материалы для биографии Порфирия Успенского. Под ред. П. В. Безобразова. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910. С. 3.

[10] Имеется в виду монастырь Святого Животворящего Креста под Иерусалимом (ныне в черте города), расположенный на месте, где было, по преданию, срублено кипарисовое древо, из которого был сделан Голгофский Крест Спасителя.

[11] Муравьев А. Н. Путешествие по Святым местам в 1830 г. Часть 1–2. СПб., 1832; Изд. 2-е. 1833; Изд. 3-е. 1835; Изд. 4-е. 1840; Изд. 5-е. 1848. См. также его: Письма с Востока. СПб., 1851. С. 88–296.

[12] Дмитриевский А. А. Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его заслуги на пользу Православия и в деле изучения христианского Востока. СПб, 1906; Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1–2. СПб., 1910.

[13] Соколов И. И. Святогробское Братство в Иерусалиме // СИППО, 1906. Т. 17. Вып. 1. С. 1–22.

[14] Хитрово В. Н. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Публикация Н. Н. Лисового по рукописи из архива ИППО // БТ. Сб. № 36. Готовится к печати.

[15] В письмах архимандрита Порфирия (Успенского) сочетание «российская духовная миссия в Иерусалиме» встречается уже в начале 1844 года. (Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 2. Переписка. СПб., 1910. С. 129).

[16] Материалы для биографии... Т. 1. С. 18.

[17] Отчет архимандрита Порфирия от 31.01.1855 см: Архив внешней политики Российской Империи. Фонд РИППО. Оп. 873/10. Д. № 2.

[18] Хитрово В. Н. Православие в Святой Земле // ППС. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1881. С. 55.

[19] 1857–1861. Переписка императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 97 и др.

[20] Феодор Титов, священник. Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Очерк из истории сношений России с православным Востоком. Киев, 1902.

[21] Архимандрит Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 1873. О других работах см.: Священник Анатолий Просвирнин. Труды архимандрита Леонида Кавелина. (Библиография) // БТ. Сб. № 9. 1972.

[22] Современный исследователь справедливо отмечает: «Проводниками православной политики на востоке были паломники, в большинстве своем "серые мужички и бабы", очень немногие публицисты-идеологи (их можно пересчитать по пальцам), члены царской семьи и... в общем и целом русская дипломатия. Как писал К. Н. Леонтьев, "дипломатия наша была гораздо в этом деле сдержаннее, осторожнее, через что и православнее нашей публицистики. Некоторые наши дипломаты, с иностранной фамилией и даже протестантского исповедания... были, право, гораздо православнее их (русских публицистов) на деле"» (Лурье С. В. Идеология и геополитическое действие. Вектор русской культурной экспансии: Балканы – Константинополь – Палестина – Эфиопия // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996. С. 170. Автор цитирует статью К. Н. Леонтьева «Мой исторический фатализм» (из «Записок отшельника»): Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 448.

[23] Дмитриевский А. А. Архимандрит Леонид Кавелин как начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Неопубликованная рукопись // БТ. Сб. № 36. Готовится к печати.

[24] Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). СПб., 1907. С. 18–24.

[25] Архимандрит Киприан (Керн). Отец Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Белград, 1934. Репринтное издание: М., 1997.

[26] Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу Православия на Востоке и, в частности, в Палестине. СПб., 1904.

[27] Пономарев С. Д. Памяти отца Архимандрита Антонина. 1. Хронологический список сочинений и переводов его. 2. Статьи о нем // Труды Киевской Духовной Академии. 1894. Т. III. С. 636–652.

[28] Дмитриевский А. А. Русская Горненская женская община во «граде Иудове» близ Иерусалима // СИППО XXVII (1916). С. 3–33. См. также совсем небольшую, но емкую, хорошо написанную и красиво изданную книгу: Игумен Серафим (Мелконян). Горненский женский монастырь на Святой Земле. Изд. РДМ в Иерусалиме. 1997.

[29] Завещание о. Антонина от 19.03.1894 см: Архив внешней политики Российской Империи. Фонд РИППО. Оп. 873/11. Д. № 5. Л. 12-14 об. Текст документа о вакуфе, выданный о. Антонину турецкими властями 12 сентября 1889 г., – в том же фонде. Д. № 4. Л. 4-13.

[30] Митрополит Никодим (Ротов). История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // БТ. Сб. № 20. 1979. С. 57–60.

[31] Баталден С. Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата // Палестинский Сборник 32 (95) (1993). С. 3–7.

[32] Большинство из этих недвижимостей будет продано позже, в 1964 году, в последний месяц правления Н. С. Хрущева, израильским властям за 4,5 млн. долларов. Поскольку выплачивалась эта совершенно символическая сумма в основном поставкой в СССР апельсинов, вся позорная акция получила в истории дипломатии название «апельсиновая сделка».

[33] Архимандрит Антонин (Капустин). Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М., 1866. С. 7–8.

[34] Фази Хури. Встреча Воскресения Христова на Востоке // Московские ведомости. 1910. 21 апреля.

[35] Наиболее интересные издания, связанные с Русской Духовной Миссией в Иерусалиме и, более широко, с русским православным присутствием на Ближнем Востоке (прежде всего, многочисленные публикации Императорского Православного Палестинского Общества), были представлены на большой книжной выставке, организованной сотрудниками Государственной Публичной Исторической Библиотеки в здании Патриаршей Резиденции в Свято-Даниловом монастыре в Москве специально к открытию Международной научной конференции, посвященной 150-летнему юбилею Миссии. Выставка была с большим вниманием осмотрена и получила одобрение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Автор пользуется случаем принести благодарность за неизменную помощь и сотрудничество сотрудникам ГПИБ во главе с директором библиотеки М. Д. Афанасьевым и лично заведующей Кабинетом Востока С. Е. Гайдук.

Троицкий Собор – главный литургический центр Русской Духовной Миссии в Иерусалиме